

Н. Лосский

Обоснование интуитивизма

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н. Лосский**
Обоснование интуитивизма / Н. Лосский – М.: Книга по Требованию, 2012. –
374 с.

ISBN 978-5-4241-6902-1

Пропедевтическая теория знания.

ISBN 978-5-4241-6902-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

	стр.
ВВЕДЕНИЕ	1
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Догматическія предпосылки докантовскаго эмпиризма.	13
ГЛАВА ВТОРАЯ. Догматическія предпосылки докантовскаго рационализма.	43
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Первоначальный очеркъ основныхъ положеній теоріи интуитивизма	63
I. Отношеніе объекта знанія къ знанію	—
II. Я и не-я	73
III. Составъ воспріятій вышшняго міра	84
IV. Недостатки ученій о я, какъ о духовно-тѣлесной индивидуальности	88
V. Главныя характерныя особенности интуитивизма	99
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Догматическія предпосылки теоріи знанія Канта.	105
ГЛАВА ПЯТАЯ. Ученіе о непосредственномъ воспріятіи трансубъективнаго міра въ философіи XIX вѣка.	151
I. Общій характеръ послѣкантовской философіи	—
II. Мистическій рационализмъ.	155
III. Позитивистическій эмпиризмъ	173
IV. Интуитивный критицизмъ	192
V. Ученіе о непосредственномъ воспріятіи трансубъективнаго міра въ русской философіи	196

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

	стр.
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Знаніе какъ сужденіе	206
I. Дифференціація объектовъ знанія. Объективность процесса знанія	—
II. Сужденіе	210
III. Ученія о сужденіи	219
ГЛАВА ВТОРАЯ. Необходимость, общеобязательность и всеобщность знанія	237
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Общее и индивидуальное	254
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Элементарные методы знанія	284
I. Теорія мистическаго эмпиризма (теорія непосред- ственного усмотрѣнія связи основанія и слѣд- ствія)	—
II. Прямые методы	287
III. Косвенные методы	302
IV. Косвенныя индуктивныя умозаключенія	321
V. Умоозрѣніе	325
VI. Мистическій эмпиризмъ, индивидуалистическій эм- пиризмъ и апіоризмъ критической философіи въ ихъ отношеніи къ теоріи элементарныхъ методовъ знанія	328
ГЛАВА ПЯТАЯ. Послѣднія основанія знанія.	335
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Характерныя особенности мистическаго эмпиризма	358

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВВЕДЕНИЕ.

Въ душѣ каждаго человѣка, не слишкомъ забытаго судьбою, не слишкомъ оттѣсненнаго на низшія ступени духовнаго существованія, пылаетъ фаустовская жажда безконечной широты жизни. Кто изъ насъ не испытывалъ желанія жить одновременно и въ своемъ отечествѣ, волнуясь всѣми интересами своей родины, и въ то же время гдѣ-нибудь въ Парижѣ, Лондонѣ или Швейцаріи въ кругу другихъ, но тоже близкихъ интересовъ и людей? Какъ тяжело думать, что вотъ, можетъ быть, въ эту самую минуту въ Москвѣ поетъ великій пѣвецъ-артистъ, въ Парижѣ обсуждается докладъ замѣчательнаго ученаго, въ Германіи талантливые вожаки грандіозныхъ политическихъ партій ведутъ агитацію въ пользу идей, мощно затрогивающихъ существенные интересы общественной жизни всѣхъ народовъ, въ Италіи, въ этомъ краю, „гдѣ сладостный вѣтеръ подъ небомъ лазоревымъ вѣетъ, гдѣ скромная мирта и лавръ горделивый растутъ“, гдѣ-нибудь въ Венеціи въ чудную лунную ночь цѣлая флотилія гондолъ собралась вокругъ красавцевъ-пѣвцовъ и музыкантовъ, исполняющихъ такъ гармонирующія съ этою обстановкою серенады или, наконецъ, гдѣ-нибудь на Кавказѣ „Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ, межъ утесистыхъ громадъ, бурѣ плачь его подобенъ, слезы брызгами летятъ“, и все это живетъ и движется безъ меня, я не могу слиться со всею этою безконечною жизнью. Высшаго удовлетворенія достигли бы мы, если бы могли такъ отождествиться со всѣмъ этимъ

міромъ, что всякое другое я было бы также и моимъ я. Однако всѣмъ этимъ желаніямъ полагаетъ конецъ жалкая ограниченность индивидуальнаго бытія, приковывающая меня къ ничтожному комку матеріи, къ моему тѣлу, замыкающая меня въ душную комнату и предоставляющая мнѣ лишь тѣсный кругъ дѣятельности. Но если мое я не можетъ расширяться и отождествиться съ другими я, то все же у меня есть средство выйти изъ границъ своей индивидуальности, хотя бы отчасти: оно заключается въ знаніи. Мы говоримъ, конечно, не о знаніи такихъ книжныхъ червей, какъ Вагнеръ, къ которымъ относятся слова Мефистофеля:

Кто хочетъ что-нибудь живое изучить,
Сперва его всегда онъ убиваетъ,
Потомъ на части разнимаетъ,
Хоть связи жизненной,— увь! тамъ не открытъ ¹⁾.

Мы говоримъ о такомъ знаніи, какое даетъ поэтъ, постигающій вплоть до глубочайшихъ изгибовъ внутреннюю жизнь міра, все то, что кроется въ самыхъ интимныхъ тайникахъ души всякаго существа. Пусть намъ не говорятъ, что поэты даютъ такое знаніе только въ области индивидуальной человѣческой жизни. Искусство съ одинаковою смѣлостью проникаетъ и въ глубины человѣческой индивидуальности, и въ тотъ міръ, который складывается изъ совмѣстной работы многихъ человѣческихъ я, и въ тотъ міръ, который предшествуетъ духовной жизни человѣка. Толстой съ одинаковою легкостью рисуетъ и душевную жизнь Анны Карениной, и коллективную душу толпы; Бѣклинъ съ одинаковою полнотою вводитъ насъ и въ свой внутренній міръ, когда онъ рисуетъ себя въ извѣстномъ портретѣ со скелетомъ, и въ настроеніе природы весною, мрачный духъ горнаго ущелья, жизнь скалистаго морского берега, у котораго бушуетъ бурень, безмолвіе лѣса.

Если намъ скажутъ, что такого знанія, постигающаго дѣйствительную жизнь, нѣтъ, что знаніе имѣетъ только символическій характеръ, что мы познаемъ не самую вещь, а

¹⁾ Фаустъ, пер. Холодковскаго, изд. четвертое.

лишь дѣйствіе ея на насъ, или если намъ скажутъ, что познаваемый нами міръ есть только міръ нашихъ представлений, міръ явленій, разыгрывающихся по законамъ нашего ума, то этого рода знаніе насъ не удовлетворитъ: намъ душно въ узкой сферѣ я, мы хотимъ выйти въ безбрежное море дѣйствительности, какъ она существуетъ независимо отъ свойствъ нашего я. Мы отказываемся отъ этого болѣе высокаго идеала знанія и усваиваемъ болѣе или менѣе скептическіе взгляды только тогда, если намъ почему-либо кажется, что идеаль знанія неосуществимъ, что онъ заключаетъ въ себѣ противорѣчія. Но какъ глубоко заложенъ этотъ идеаль въ нѣдрахъ человѣческой души, видно изъ того, что мы отказываемся отъ него съ болью въ сердцѣ:

... подавить нельзя подчасъ
 Въ душѣ врожденное стремленье,
 Стремленье въ высъ, когда до васъ
 Вдругъ долетаетъ жаворонка пѣнье
 Изъ необъятной снєвы небесъ.--
 Когда, внизу оставя долъ и лѣсъ,
 Орелъ паритъ свободно надъ горами,
 Иль высоко подъ облаками
 Къ далекой родинѣ своей
 Несется стая журавлей ¹⁾).

Распространенные въ наше время взгляды на отношеніе между познающимъ субъектомъ и познаваемымъ объектомъ вовсе не содѣйствуютъ сохраненію идеала знанія. Люди, задумывающіеся надъ вопросами теоріи знанія, склонны утверждать въ наше время, что непосредственный опытъ складывается только изъ личныхъ индивидуальныхъ состояній познающаго субъекта. А если въ непосредственномъ опытѣ мы имѣемъ дѣло лишь со своими состояніями, сознанія, то это значитъ, что въ актахъ знанія, куда бы мы ни обратились, мы не можемъ освободиться отъ своего я, не можемъ выйти за предѣлы своихъ личныхъ переживаній. Конечно, дальнѣйшія построенія на этой основѣ могутъ быть очень разнообразны: путемъ различныхъ ухищреній можно

¹⁾ Фаустъ Гете, перев. Холодковского.

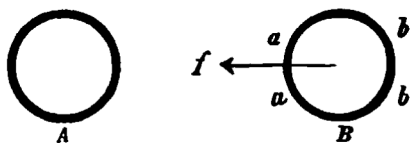
даже, опираясь на эти предположенія, попытаться доказать, что мыслительная дѣятельность рядами умозаключеній выводить за предѣлы я и даетъ знаніе о внѣшнемъ мірѣ или какихъ-либо сторонахъ его. Но если строго относиться къ дальнѣйшимъ построеніямъ, то этотъ исходный пунктъ теоріи знанія несомнѣнно приведетъ къ субъективному идеализму, именно къ солипсизму и къ самому разрушительному скептицизму въ ученіи о внѣшнемъ мірѣ.

Для всякаго, кто увѣренъ въ томъ, что знаніе проникаетъ въ сущность вещей, возникаетъ мучительный вопросъ: почему же философія въ своемъ многовѣковомъ развитіи не только не доказала этого, но даже, наоборотъ, широко развила въ насъ склонность къ субъективному идеализму, проникающему уже въ частныя науки и даже въ общество. Для того, кто не мирится съ этимъ результатомъ, единственный отвѣтъ на этотъ вопросъ таковъ: вѣроятно, философія дѣлала какія-либо ошибки, и если эти ошибки клонились все въ одну и ту же сторону, то, значитъ, онѣ обусловливаются чрезвычайно общими причинами, дѣйствующими въ сознаніи каждаго человѣка. Однако философы, создавшіе общія теченія философіи, обладали въ высшей степени послѣдовательнымъ умомъ; ихъ проницательный взоръ легко усматривалъ противорѣчія даже и въ самыхъ сложныхъ системахъ взглядовъ и устранялъ ихъ. Какимъ же образомъ ошибки, ведущія въ конечномъ итогѣ къ субъективному идеализму, могли вѣками гнѣздиться въ философіи? Очевидно, это возможно лишь въ томъ случаѣ, если ошибки кроются тамъ, гдѣ ихъ не можетъ усмотрѣть даже и наиболѣе чувствительный къ противорѣчіймъ, строго логическій умъ: онѣ кроются не среди явно высказанныхъ, а среди инстинктивно мыслимыхъ положеній, въ подсознательной подпочвѣ философіи. Поэтому лучший путь освободиться отъ этихъ ошибокъ будетъ найденъ лишь въ томъ случаѣ, если мы анализируемъ исходные пункты основныхъ философскихъ направленій такъ глубоко, что проникнемъ въ ихъ подсознательную глубину, вынесемъ на свѣтъ дня кроющіеся во мракѣ устои философіи и оцѣнимъ ихъ содержаніе.

Пояснимъ однако точнѣе, что мы называемъ подсозна-

тельною подпочвою философіи. Міръ во всякомъ своемъ конкретномъ проявленіи представляеть собою нѣчто безконечно сложное, если не въ абсолютномъ смыслѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ человѣческимъ силамъ. Замѣчательно, что и мысли наши о мірѣ, если онѣ касаются какого-либо конкретнаго явленія, складываются изъ безконечнаго множества элементовъ, и только узенькая полоса этой безконечности освѣщена полнымъ свѣтомъ знанія, тогда какъ все остальное тонетъ во мракѣ смутно, хотя и необходимо, мыслимаго или, вѣрнѣе, чувствуемаго. Частныя науки имѣють дѣло въ большинствѣ случаевъ съ конкретною дѣйствительностью, и потому утвержденія ихъ обыкновенно отличаются чрезвычайною сложностью и заключаютъ въ себѣ много недосказаннаго, т.-е. не обработаннаго познавательною дѣятельностью. Возьмемъ въ видѣ примѣра нарочно одинъ изъ самыхъ общихъ законовъ частныхъ наукъ, законъ всемірнаго тяготѣнія, и на немъ покажемъ правильность нашего мнѣнія. Высказывая законъ тяготѣнія, мы утверждаемъ, что всякія двѣ массы притягиваются другъ къ другу съ силою, пропорціональною ихъ произведенію и обратно пропорціональною квадрату разстоянія между ними. Въ этомъ законѣ къ числу твердо установленныхъ въ физикѣ положеній относится только мысль о возможномъ или дѣйствительномъ сближеніи массъ съ указанною выше силою. Но кромѣ этой мысли въ немъ неизбежно подразумѣвается множество другихъ мыслей, вовсе еще не обработанныхъ наукою. Напр., мы навѣрное какъ-либо про себя рѣшаемъ вопросъ о томъ, что это за сближеніе, напр., разсматриваемъ его, какъ непосредственное притяженіе черезъ разстояніе или, вѣрнѣе, мы вовсе не задаемъ этимъ вопросомъ, но если присмотрѣться къ нашимъ смутнымъ представленіямъ, то окажется, что среди нихъ было именно представленіе о взаимномъ притяженіи черезъ разстояніе. На первыхъ порахъ мы вовсе не замѣчаемъ, что это гипотеза, и при томъ гипотеза спорная, вовсе не необходимая для закона Ньютона. Она могла бы быть замѣнена различными другими гипотезами. „Въ настоящее время, — говоритъ О. Хвольсонъ въ своемъ курсѣ физики, — успѣло сдѣлаться общимъ достоя-

ніем убѣжденіе, что *actio in distans* (дѣйствіе на разстояніи) не должна быть допускаема ни въ одной области физическихъ явленій. Но какъ ее можно изгнать изъ ученія о всемірномъ тяготѣніи? Это вопросъ пока открытый, несмотря на безчисленное множество различныхъ въ этомъ направленіи попытокъ ученыхъ, стремившихся дать „механическое“ объясненіе всемірному тяготѣнію. Во всѣхъ этихъ объясненіяхъ играетъ главную роль допущеніе существованія особой міровой среды, вліяніемъ которой и обусловливается возникновеніе тѣхъ ускореній, которыя выражаются формулой. Не входя въ эту область, пока еще фантазій, ограничимся немногими указаніями. Мы знаемъ, что въ присутствіи тѣла *A* (рис.) дѣйствуетъ на тѣло *B* сила *f* по направленію

къ *A*. Возникновеніе такой силы можетъ быть понимаемо двояко: или какъ тяга, дѣйствующая на *B* со стороны *aa* (такую тягою представилась бы *actio in distans*) или какъ давленіе, производимое на *B* со стороны *bb*. Къ такому давленію и старались привести вліяніе присутствія тѣла *A*. Допускалось, напр., что частицы міровой среды, двигаясь, ударяють со всѣхъ сторонъ на всякое тѣло. Присутствіе тѣла *A* какъ бы отчасти охраняетъ тѣло *B* отъ ударовъ частиць, идущихъ слѣва, и вотъ этотъ-то избытокъ толчковъ яко бы и есть причина возникновенія силы *f*¹⁾.

Итакъ, возможно, что сближеніе массъ есть результатъ не взаимнаго притягиванія ихъ, а приталкиванія ихъ другъ къ другу толчками другихъ тѣлъ, но еще вѣроятнѣе, что нѣтъ ни приталкиванія, ни притягиванія, а есть какое-либо взаимодействіе совершенно иного характера, по существу еще неизвѣстное намъ. Какъ бы ни были важны для общаго міросозерцанія эти теоріи взаимодействія между массами,

¹⁾ О. Хвольсонъ, «Курсъ физики», т. I. стр. 185

онѣ могутъ вовсе не отражаться на формулировкѣ закона тяготѣнія и выводахъ изъ него въ физикѣ, какъ таковой; онѣ даютъ только различное освѣщеніе закону Ньютона. Но, безъ сомнѣнія, хотя бы физикъ и не обязанъ былъ пускаться въ область этихъ теорій, очень печально, если онъ не знаетъ, какая сторона его, по необходимости чрезвычайно сложныхъ представлений о физическихъ явленіяхъ, критически не разслѣдована или по недостатку средствъ для этого или потому, что она выходитъ за предѣлы его науки. А въ каждомъ утвержденіи физики или вообще представителя частныхъ наукъ кроются и такія мысли, которыя выходятъ за предѣлы какой бы то ни было частной науки и подлежатъ вѣдѣнію основныхъ философскихъ дисциплинъ, именно онтологіи и теоріи знанія. Мы говоримъ не объ отталкиваніи и притягиваніи, изслѣдованіе которыхъ отчасти дѣйствительно относится къ области физики, а о нѣкоторыхъ гораздо болѣе общихъ представленіяхъ, кроющихся хотя бы въ томъ же законѣ Ньютона. Укажемъ на одно изъ нихъ. Говоря о сближеніи массъ, мы представляемъ себѣ притяженіе, толчки и движенія, какъ явленія, существующія не сами по себѣ, а имѣющія какого-то носителя. Выражаясь философскими терминами, мы считаемъ эти явленія свойствами какихъ-то субстанцій. Какъ извѣстно, понятія субстанции и свойства фигурируютъ почти во всѣхъ актахъ знанія, если не въ абстрактной, то въ конкретной формѣ. Даже и тогда, когда мы говоримъ: „въ передней скрипнула дверь“, мы относимъ скрипъ, какъ свойство, процессъ, къ какому-то носителю, къ двери. Пользуясь понятіемъ субстанции и ея свойствъ на каждомъ шагу, мы даже не отдаемъ себѣ въ этомъ отчетѣ, а если намъ и укажутъ на этотъ элементъ мышленія, то намъ кажется, что о немъ нечего и говорить, что вопросъ чрезвычайно простъ, что онъ не допускаетъ различныхъ рѣшеній, и потому наше представление о субстанции съ заложенными въ немъ инстинктивными теоріями по существу навсегда должно сохраниться. Между тѣмъ на дѣлѣ это вовсе не такъ. Когда философія берется за эти вопросы, она даетъ теоріи, еще болѣе отличающіяся другъ отъ друга, чѣмъ ученія о тяготѣніи, какъ приталкиваніи и какъ притягиваніи. Напомнимъ хотя бы уч-

нія о субстанціи Лейбница, Юма и Канта, такъ глубоко отличающіяся другъ отъ друга.

Въ томъ же самомъ представленіи о законѣ Ньютона кроются, кромѣ понятія субстанціи, еще и другія не менѣ важныя понятія, напр., понятіе причинности. Оно также заключаетъ въ себѣ въ умѣ человѣка, незнакомаго съ философіей, непродуманныя теоріи и также кажется простымъ, не требующимъ специальныхъ изслѣдованій; между тѣмъ стоитъ только сравнить ученіе о причинности Лейбница, Юма, Канта, чтобы тотчасъ же почувствовать, что твердая почва наивныхъ теорій исчезаетъ подъ ногами; передъ нами вдругъ разверзается бездонная пропасть неизслѣдованныхъ вопросовъ.

Укажемъ, наконецъ, и еще на одну группу представлений, еще болѣе общую, чѣмъ всѣ предыдущія. Высказывая какое бы то ни было утвержденіе, мы относимся къ нему, какъ къ своему знанію, и оцѣниваемъ его, какъ таковое. Въ этой оцѣнкѣ заключается рядъ самыхъ разнообразныхъ, въ большинствѣ случаевъ непродуманныхъ теорій. Напр., мы относимся къ знанію, какъ къ дѣятельности сознанія, копирующей дѣйствительность; мы полагаемъ, напр., что въ этой дѣятельности вступаютъ во взаимоотношеніе я и не-я, познающій субъектъ и познаваемый объектъ. Между тѣмъ могутъ существовать самыя разнообразныя ученія о томъ, что такое знаніе, что такое я и не-я, какое взаимодействіе существуетъ между ними въ актахъ знанія, и каждое изъ этихъ ученій придаетъ своеобразное освѣщеніе всякому акту знанія. Для послѣдователей Декарта знаніе о процессахъ движенія есть знаніе трансцендентное, копирующее въ нашемъ умѣ дѣйствительныя отношенія между частицами матеріи, существующія внѣ нашего и какого бы то ни было сознанія, а для кантіанца это знаніе имманентное, оно представляетъ собою лишь сочетаніе нашихъ сужденій по необходимымъ законамъ познавательной дѣятельности, не выводящее насъ за предѣлы нашихъ представленій и не имѣющее никакого отношенія къ міру не-я, какъ вещи въ себѣ.

Всякая перемѣна въ теоріи причинности или субстанці-